

В. З. ДЕМЬЯНКОВ

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

1. Цели прагматического исследования

Термин «прагматика» по-разному трактуется в лингвистике. Одни исследователи прагматикой называют исследование речевых актов и обстоятельств их протекания; такая дисциплина выявляет классификацию речевых актов и их продуктов (соответствующих высказываний), а также возможности употребления суждений (пропозиций) в конкретных речевых контекстах [см. 1, 2]. Другие включают сюда речевую деятельность в целом: между отдельными видами речевых актов устанавливается иерархия, а в рамках конкретного вида общения противопоставляются главные и второстепенные речевые акты [см. 3, 4]. В третьем направлении [см. 5] рассматриваются принципы «нестандартного» употребления языка, исходя из стандартного (аналогично тому, как сложное умозаключение сводится по правилам логического вывода к аксиомам). Такая «конверсационная прагматика» (прагматика разговора) опирается на общие принципы исследования человеческой деятельности [см. 6]. Прагматика в этой концепции устанавливает, каковы цели и результаты использования языка в человеческой деятельности, а семантика — каковы значения выражений.

С другой стороны, прагматику часто рассматривают как тот компонент грамматики, который содержит правила («стратегии») интерпретации реплик в разговоре [см. 7]. В этой интерпретации выявлены: а) мотивировка высказываний и стратегий ведения разговора, б) классы речевых средств, воплощающие эти стратегии. В такой концепции правила прагматики выглядят аналогично синтаксическим [см. 8] и позволяют извлекать из высказываний скрытые презумпции говорящего, общее для собеседников знание и т. п. Полный же набор прагматических правил моделирует употребление языка. Такой подход воплощает аристотелевский взгляд на «энтимемы» [см. 9], т. е. правила риторически выдержанного доказательства, как на «неполные силлогизмы» (правила логического вывода); принципы, управляющие стратегиями убеждения, при этом распространяются на языковую деятельность [см. 10—12 и др.]. Слияние прагматики, синтаксиса и семантики (из элементов этих терминов Ч. Филлмор образовал даже имя дисциплины «прагмантаксис») базируется на гипотезе о единообразной представимости в них языковых выражений: например, все три могут рассматривать структуры, заданные в виде дерева непосредственно составляющих.

Этому подходу противоположен другой, в котором прагматику приравнивают к теории «семантического исполнения», вынося ее за пределы грамматики, т. е. собственно «владения языком». Такая прагматика описывает взаимодействие контекста с грамматической структурой, что проявляется как конкретизация значения высказывания в конкретных обстоятельствах общения [см. 13]. При этом в некоторых работах [см. 14] к прагматике относят не только правила ведения разговора (конвер-

сационное знание), но и знание закономерностей внешнего мира вообще. Например, предложение *Камень просвистел у Ивана над головой* интерпретируется как сообщающее о полете камня, который, как и многие тяжелые предметы, может вызвать определенные звуковые ощущения; возможность такой интерпретации связана с нашими знаниями, а их в указанном подходе прямо относят к прагматике. Последнее тем более заставляет вынести прагматику за пределы языкового описания: встраивать формулировки закономерностей в семантическую структуру предложения неоправданно, хотя именно знание этих закономерностей иногда объясняет успешность референции, предикации и т. п.

Наиболее продуктивным представляется мнение, высказанное Ю. С. Степановым [см. 15, с. 281], согласно которому языковая функция номинации относится к семантике, предикация (отношение знака к знаку) — к синтактике, а функция локации (соотнесение говорящим используемых им знаков со своим «я») — к прагматике. Ниже будет сделана попытка определить прагматические основы интерпретации высказывания исходя из принципов «гипотетической интерпретации». Понятие интерпретации позволяет формулировать наблюдения над свойствами языка самым естественным образом и так или иначе присутствует в любом семантическом или прагматическом исследовании.

2. Концепция «гипотетической интерпретации»

Понятие интерпретации нейтрально по отношению к распределению ролей между участниками общения: всегда интерпретируется и собственная речь, и высказывания собеседников; кроме того, интерпретироваться может и текст. Мы предполагаем, что общая структура интерпретирующей системы для человеческих языков универсальна, в различных языках варьируется только конкретное наполнение «правил интерпретации». Приводимый ниже список принципов может быть продолжен¹ (ср., например, принципы «когнитивной грамматики» [16]).

П р и н ц и п г и п о т е т и ч е с к о й и н т е р п р е т а ц и и. Интерпретация как процесс представляет собой постепенное расширение или сужение текущего набора гипотез интерпретатора относительно скрытой структуры (т. е. результирующей интерпретации) интерпретируемого объекта (например, всего высказывания). Такой набор гипотез состоит из единичных промежуточных «гипотетических интерпретаций». Они содержат переменные, смысл которых выявляется на последующих этапах интерпретации. Единичная гипотетическая интерпретация, в рамках которой устанавливается невозможность заполнить эти переменные корректно, стирается — соответственно сужается и набор гипотез. Расширение же — результат «расщепления» какой-либо из единичных гипотез на две или более дополнительные промежуточные интерпретации.

П р и н ц и п к о м п о з и ц и о н н о с т и (обобщение «принципа Фреге»): результирующая интерпретация выражения основана на интерпретации его частей, а ход (этапность) интерпретации определяется его конструкцией.

П р и н ц и п м н о ж е с т в е н н о с т и в и д о в и н т е р п р е т а ц и и. Любое языковое выражение может рассматриваться с неограниченного числа точек зрения, поэтому не ограничено и количество видов интерпретации. Каждый такой вид определяется набором «схем интерпретации»: выражение может или не может подводиться под схему (Например, схема для семантической интерпретации может задавать определенный перифраз; так, если предложение может быть перифразировано в формулу *Сделать так, чтобы . . .*, говорят, что оно описывает

¹ Об истоках данной концепции говорится в наших работах [см. 17—19].

каузацию, — в наших терминах, такое предложение может быть и н т е р п р е т и р о в а н о в р а м к а х у к а з а н н о й с х е м ы). Строе-ние схем интерпретации и возможности заполнения переменных в этих схе-мах определяют язык конкретного вида интерпретации. Этот принцип противоположен той практике описания, когда пытаются выявить единое семантическое представление, соответствующее толкованию предложения и содержащее в аккумулярованном виде все сведения о значении пред-ложения.

П р и н ц и п с о о т н е с е н н о с т и , и л и и е р а р х и ч н о с т и . Одни виды интерпретации могут стать исходным материалом для других.

П р и н ц и п м и н и м а л ь н о с т и о г р а н и ч е н и й . Ин-терпретируются не только правильные, но и отклоняющиеся от граммати-ческой правильности выражения; в последнем случае результирующая интерпретация помечает те отклонения, которые релевантны для конкрет-ного вида интерпретации.

П р и н ц и п п р е д п о ч т е н и я , и л и п р а в д о п о д о б и я . Среди множества результирующих интерпретаций выделяются, в конкрет-ных обстоятельствах и для конкретного вида, наиболее предпочтительные, менее допустимые и т. д.

П р и н ц и п с о о т в е т с т в и я в н у т р е н н е м у м и р у . Из двух конкурирующих по предпочтительности большее предпочтение получает та интерпретация выражения, которая более соответствует «внут-реннему миру» интерпретатора, т. е. не заставляет его сильно менять свои убеждения, предположения, презумпции и т. п.

П р и н ц и п « о т р а н н е г о — к п о з д н е м у » (или для текстов с соответствующей системой графики — «слева направо»). Более ранние по времени появления элементы языковых выражений и обстоятельства общения вовлекаются в интерпретацию (учитываются при интерпретации) также раньше, чем остальные.

П р и н ц и п м и н и м а л ь н о с т и г и п о т е з . Процесс суже-ния гипотез максимально эффективен: на каждом этапе интерпретации количество гипотез (особенно тех, которые на более поздних этапах будут отвергнуты) минимально. Множество результирующих интерпретаций конкретного вида может быть различным по величине, однако полностью отражает степень неоднозначности высказывания или обстоятельств общения с точки зрения конкретного «внутреннего мира» интерпретатора.

3. Прагматическая интерпретация

Назовем вид интерпретации прагматическим, если он явно указывает: а) тип общения, в котором выражение может быть употреблено (при той или иной степени уместности) и б) локацию языковых выражений, вхо-дящих в высказывание. Высказывание и его прагматическая интерпретация (тот или иной конкретный вид) соотносятся правилами прагмати-ческой интерпретации. Таковы, например, правила, устанавливающие связи между прямым значением вопроса о смысле действий адресата (типа *Что вы делаете?*) и значением «констатация неодобрения» (ср. *Я не одобряю ваших действий*). Эти правила соотносят целые классы явлений, а не от-дельные высказывания — аналогично семантическим правилам. Прагма-тические правила лежат за пределами как чисто синтаксического объясне-ния (установления правильности предложения или соответствия какой-либо конкретной структурной схеме), так и чисто семантического (свя-занного с выявлением прямого значения выражения).

Правила прагматической интерпретации одновременно являются и правилами ведения разговора, и теми правилами-приемами, которыми пользуется интерпретатор (участник общения или наблюдатель) при пе-реосмыслении высказываний, опираясь на локацию и семантику.

Локация не исчерпывает всех сторон общения. В общении можно

выделить по (меньшей мере три стороны: 1) «Эго» (принимает на себя роль говорящего или адресата), 2) партнер(ы) Эго (могут быть как говорящими, так и слушающими) и 3) «арбитр для Эго», или просто «арбитр» (невидимая аудитория, оценивающая речевые действия Эго и его партнеров, желательность или нежелательность высказываний по тем или иным вопросам и т. п.). Во время спора Эго может ставить перед собой задачу убедить и арбитра, и партнеров (точнее, адресатов убеждения) в чем-то; опорными точками развития аргументации при этом бывают те действия адресата, которые интерпретируются как «поддакивающие» или «возражающие», полное согласие партнера делает бессмысленным продолжение спора — и арбитр кладет этому конец. Наличие арбитра объясняет, почему избегается заведомая ложь («ложь в присутствии арбитра» требует от Эго построения дополнительно еще и «лже-Эго», оправдывающего действия настоящего Эго перед арбитром и перед партнерами). Арбитр же санкционирует неполную искренность и «некооперативность» общения (см. ниже).

Эго в реальном мире имеет различные имена, Я — это его «самоназвание» (по нему арбитр всегда опознает референта однозначно). Кроме того, Эго имеет и «светские», внешние имена для себя; удачность употребления того или иного имени обусловлена различными факторами (ср. тексты записок: *Ушла на почту. Буду скоро. Мама.* — и *Ушла на почту. Буду скоро. Я.* Второй текст по меньшей мере странен). О соотношении Эго и Я [см. 19]. Выбор среди внешних имен одного, наиболее уместного, также не произволен, ср. тексты, выражающие ненависть: *Жить так дальше нет сил. Ухожу к Грандиевскому. Е. Антонова.* — и странное: *Жить так дальше нет сил. Ухожу к Грандиевскому. Пупсик* [см. 20].

Помимо указанного разделения «исполнителей» можно говорить о ролях «соратников» для Эго. Внутренним соратником является набор потенциальных пресуппозиций, т. е. общий для Эго и его партнеров набор презумпций. Такие презумпции высказываются в качестве утверждений только для большей «вышуклости» аргументации, чаще они выступают в качестве пресуппозиции, и то не все сразу, а только некоторое количество. Внешние соратники — это участники общения, по мнению Эго, поддерживающие его линию, в противоположность тем, на которых Эго направляет силу аргументов. Соратники могут быть проявленными, т. е. выступившими, и непроявленными. Выступившие внутренние соратники — это, в частности «высказанные презумпции», а более широко — те суждения, которые адресатом не были отклонены в качестве несостоятельных: на них Эго может в дальнейшем общении опираться. Выступившие внешние соратники — это лица, высказавшиеся по ходу общения в пользу мнения Эго (естественно, в интерпретации Эго). Выступление соратника интерпретируется каждый раз одним из следующих способов: а) как не противоречащее мнению о соратничестве данного партнера, б) как дополняющее запас общих презумпций (без противоречия уже имеющемуся набору), в) как слегка меняющее набор общих для общающихся сторон презумпций (степень безобидности изменения определяется интерпретатором в соответствии с нормами подвижности запаса презумпций), г) как заставляющее Эго перевести бывшего соратника на роль скорее «противника».

4. Прагматическая интерпретация хода общения

Общение связано с двумя видами действий: интерпретация обстоятельств общения, ситуации (сюда же входит и интерпретация высказываний) и преобразование ситуации («ход» в общении, осуществляемый одним из участников). В рамках описываемого подхода общение поэтому можно представить как операции: 1) получение релевантных интерпретаций,

2) удаление интерпретаций, оказавшихся несостоятельными на очередном шаге общения, и 3) совершение действий, соответствующих или противоречащих общепринятым правилам общения.

Совершая очередной ход, субъект речевого действия, Это руководствуется своей интерпретацией обстоятельств общения. Эта интерпретация может отличаться от соответствующей интерпретации у его партнеров и от его собственной гипотетической интерпретации общения в целом на более раннем этапе. Почему же все-таки возможно гармоничное общение? Объяснений может быть несколько, и они соответствуют различным стилям общения.

При одном объяснении предполагается, что между множествами интерпретаций для «ходов» на протяжении одного и того же эпизода общения у разных участников устанавливается более или менее стабильное соотношение наборов гипотез (в пограничном случае — тождество). Действительно, наборы гипотез у разных участников частично пересекаются, так как выявляются на основе правил, общих для одной культуры; на каждом же шаге общения каждое из множеств сужается. Поэтому чем дольше происходит общение, тем все менее неопределенными становятся для нас высказывания партнеров.

Другое, несколько утрированное объяснение: «эффективность» общения — только видимость, на самом же деле каждый остается в своем внутреннем мире, и интерпретируются не очередные ходы партнера, а только языковые выражения, понимаемые на фоне «мысленных» ходов, предсказуемых внутри этих внутренних миров. Такую модель объяснения и стиль общения можно было бы назвать «разговором глухих». В ней допустимы любые последовательности реплик. Например, ответ на вопрос *Который час?* может выглядеть как *Спасибо, я уже позавтракал*, при такой интерпретации второго высказывания: вопрос имел целью узнать, позавтракал ли собеседник (спрашивающий связывает время суток с временем завтрака у адресата, а при этом заботится о благе его); поэтому, экономя усилия спрашивающего, отвечающий благодарит его за заботу (*Спасибо*) и сообщает то, что он хотел на самом деле узнать и что при другом ответе (напр., *Уже полдень*) было бы сообщено неважно. На этом стиле общения, видимо, основан театр абсурда: он позволяет интерпретатору-наблюдателю осознать ранее не замечаемые стороны общения, а сопоставление с принятыми на самом деле нормами доставляет ему удовольствие от обыкновенного стиля общения.

Где-то посередине между этими двумя объяснениями лежит концепция П. Грайса [см. 21, 22; ср. 23]. Согласно ей, участники общения на самом деле, а не только по мнению интерпретатора, руководствуются принципом «сотрудничества» (кооперативности): каждый исходит из презумпции о стремлении партнеров быть понятыми правильно и сам стремится к этому. Кажущиеся нарушения (в наших терминах, ситуация, гипотетически интерпретируемая как «странная») доинтерпретируются на основе «максим разговора»: те приводят буквальное значение, сказанное в соответствие с принципом сотрудничества; так, ответ *Спасибо, я уже позавтракал* «вовлекает» максимум релевантности [ср. 24].

5. Понимание и прагматическая интерпретация

В соответствии со сказанным понятие высказывание — значит: 1) проинтерпретировать очередное речевое действие (на фоне уже имеющихся гипотез) как ход в рамках конкретного вида и стиля общения (в различной степени учитывая возможности расхождения своих правил общения и правил партнера), 2) проявить диспозицию (т. е. принять или отвергнуть навязываемый вид общения [см. 25, 26]), 3) получить интерпретацию собственного языкового выражения в контексте такого «навязанного» вида, —

отстранившись, как бы со стороны, и прогнозирував одновременно дальнейший ход общения².

С отстраненной точки зрения один и тот же участник может быть вовлечен одновременно в разные виды общения, однако с внутренней он сознает себя в рамках не более чем одного вида. Вовлеченность возможна на уровне сознания (когда используется та или иная тактика общения, осуществляющая осознанный стратегический план [см. 27, 28]) и на уровне подсознания (при непроизвольном выполнении действий, реализующих «подсознательные стратегии», как при речевых ошибках типа оговорок).

Факторы понимания определяют **связность высказываний**, в частности связность текста (**связанность** — один из параметров связности). Связность проявляется в том единстве частей текста, которое интерпретируется как решение конкретных стратегических и тактических задач; она выявляется интерпретатором, отдающим предпочтение одним гипотетическим интерпретациям перед другими. В связность входит то, что определяет социальную нормативность логики высказываний, внимательность выбора речевых средств и т. п. Итак, связность входит в интерпретацию текста, а не является свойством текста как такового, взятого вне интерпретации.

Регулярно используемые стратегии обобщаются в **схемы стратегий**, или **стратегемы**. Последние соотносят цель, или направленность речевых действий и вовлеченные в эти действия элементы интерпретируемой ситуации. Нормативная оценка общения и результирующей смены высказываний, т. е. оценка дискурса, — результат учета стратегем.

Итак, **прагматическая интерпретация дискурса** содержит: 1) описание стратегем, мотивирующих действия общающихся сторон (реализации таких стратегем, конкретные стратегии «сбивают» эпизоды дискурса в тематически организованное целое), и 2) оценку эффективности дискурса и его частей, используемых в рамках тактик, реализующих стратегии в конкретных обстоятельствах общения. В прагматическую интерпретацию входит, таким образом, оценка связности.

6. Информационный и сопровождающий аспекты высказывания

В последних работах по прагматике и семантике явно или неявно, в тех или иных терминах различаются **информационный** и **сопровождающий** аспекты высказывания. Первый относится к знаниям, которые говорящий предполагает у адресата. Второй определяется семантикой языка. Иначе говоря: информационный аспект — то, что мы извлекаем из когда-либо сообщенного нам, а сопровождающий — то, что определяется самим фактом владения языком. Информационный аспект включает в себя и «выводимое» знание. Так, выводимость знания — логика высказывания — подчеркивается в таких случаях: а) когда эксплицитно вводится сообщающая часть (например, при комментариях типа *Я знаю, Вам известно* и т. п. небазисных предикатах [см. 24]), б) нарочитость (когда языковое средство используется, по мнению интерпретатора, — хотя и не обязательно по замыслу говорящего, — при осознанности внешнего коммуникативного эффекта; например, злоупотребление терминологией интерпретируется как стремление скорее показать свою ученость, чем направленность на сообщение), в) цитирование — прямое (при указании источника) или косвенное (например, когда проносят отрывок из известного произведения, предполагая начитанность аудитории), г) осознанное использование и обыгрывание общепринятых мнений и презумпций (убеждений, предрассудков и т. п.; например,

² Об отстраненности, или «очуждении» в прагматике см. статью Ю. С. Степанова в этом номере журнала.

в утверждении *Это ясно, как дважды два — четыре* используется факт знания таблицы умножения в ее самой простой части); д) использование специальных грамматических средств, например, придаточных относительных нелимитативных (ср. *Люди, у которых нет крыльев, в наше время летают выше птиц*, где придаточное не ограничивает множество людей, о которых сообщается нечто, а лишь напоминает адресату его знание) — о функциях таких придаточных [см. 29].

В указанных случаях информационный аспект выдвигается на передний план («выдвижение» здесь аналогично явлениям, рассматриваемым в статье М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрика в этом номере журнала). Выдвижение это сопровождается и той параметризацией адресата, о которой говорится в статье Н. Д. Арутюновой (в том же номере журнала). На различии информационного и сопровождающего аспектов покоятся и противопоставление смысла и значения у Г. Фреге (дополнительные свойства референции и значения определяются спецификой акта названия). Соотносится оно и с разграничением энциклопедической и чисто семантической информации [см., например, 30], а также с противопоставлением конврсационных (выявляемых из разговора, т. е. информационных) и конвенциональных (т. е. семантических) «имплицатур» у П. Грайса (см. статью Т. В. Булыгиной в этом номере). По этой же линии различаются презумпция знания, проявляющаяся в предложениях как прагматическая пресуппозиция (т. е. то, что связано в конечном счете со знанием реальности), и презумпция правильного употребления языковых единиц (проявляется как семантическая пресуппозиция в логической интерпретации предложений). Презумпция знания включает в себя, в частности, и «презумпцию соблюдения презумпций» [см. 31].

Информационный запас человека, т. е. багаж знаний, более индивидуален и менее устойчив, чем семантический. Усвоение семантического, или сопровождающего, запаса связано с узнаванием новых единиц языка и правил интерпретации при обязательном при этом включении новых знаний в арсенал выразительных средств человека. Осознанные семантические знания входят в информационный компонент (так, их вводят в оборот при игре слов, когда кого-либо ловят на слове; они же лежат в основе поэзии).

Информационный запас принято моделировать в логических терминах. Любое новое суждение (вместе со всеми логическими его следствиями) расширяет этот запас, представляющий собой аналог «модельного множества» Я. Хинтикки [см. 32]. Семантический запас при этом расширяется только тогда, когда суждение в форме речевого высказывания приводит к усвоению новых средств выражения или новых способов интерпретации уже известных средств (например, явное определение вводимой терминологии — это одновременное расширение как информационного, так и семантического запаса).

Информационный запас в узком смысле, или базовый информационный запас, — это набор только «невыводимых» знаний, т. е. тех, которые друг от друга не зависят и из которых логически выводимы все реальные знания. Базовый запас постоянно расширяется: иначе мы понимали бы только те высказывания, которые нам уже известны или истинность которых из наших знаний выводима с оценкой «верно» или «неверно». Владение грамматикой языка еще не предполагает владения всеми теми знаниями, которые на этом языке могут быть выражены.

Закономерности внешнего мира являются принадлежностью информационного запаса (иногда — базового): они представляют собой те «единицы хранения», которые могут участвовать в интерпретации. Однако собственно правилами прагматической интерпретации такие законы не обязаны являться: прагматика только соотносит, но не всегда включает в себя отдельные части информационного запаса; такое соотнесение может,

в частности, формулироваться в описании как логические связи. Таким образом, и н т е р п р е т а ц и я имеет примерно тот же смысл, что и в теоретическом программировании: языковое выражение подвергается преобразованиям (приводящим к тем или иным промежуточным гипотетическим интерпретациям) на основе «постулатов», которые в самом интерпретаторе не хранятся, а являются принадлежностью отдельного массива — информационного запаса.

В отличие от информационного запаса, прагматика дает только логический скелет, связывающий воедино конкретные знания, и представляет собой, так сказать, синтаксис смысловых парадигм. Если такие парадигмы сами введены в информационный запас (таким расширением базисного информационного запаса занимаются конкретные науки — физика, биология и т. д.; расширением знаний о языке занимается лингвистика, также конкретная наука), то о носителе его говорят как о представителе той или иной науки. По ходу выявления прагматических свойств языка вычленяются и единицы базового запаса, однако не они являются сами по себе прямым объектом такого исследования.

Наличие в информационном запасе определенных единиц хранения и правила прагматики позволяют по-разному интерпретировать высказывания, обладающие одинаковой синтаксической структурой. Так, логические элементы (единицы языка, которые соотносимы с логическими связками, кванторами и т. п. выразительными средствами какого-либо искусственного формально-логического языка) могут интерпретироваться как в информационном, так и в сопровождающем ключе. В первом случае подчеркивается логическая связь, и мы имеем дело с логическими предикатами: теми «поисковыми образами», по которым идентифицируются соответствующие знания в информационном запасе. Так, «суперпредикаты» в концепции Ю. С. Степанова [см. 33] являются именно логическими предикатами, ср. предложения *Если поезд придет вовремя, значит, я опять опоздаю* (где *если* — логический предикат) и *У Петровых не сын, а дочь, если вы хотите знать* (здесь семантический способ употребления *если*). Прагматическая интерпретация содержит логический предикат, если высказывание сообщает довод, — в противном случае элементы типа *если* просто придают речи связанность.

Полный информационный запас может содержать знания, представимые (в дискурсном виде) как взаимоисключающие суждения; поэтому один и тот же человек может сделать искреннее высказывание, с нелогичностью которого согласится, проследив за убедительными доводами оппонента. Однако по ходу собственных высказываний говорящий стремится к «состоятельности» — непротиворечию самому себе [см. 34]. Итак, информационный запас должен быть представлен таким образом, чтобы отражать не только «истинное знание», но и заблуждения — апелляцию к несостоятельному «возможному миру». Возможные миры в свою очередь — результат интерпретации информационного запаса на основании конкретного высказывания [см. 35—37].

Практически отделить чисто семантические знания от информационного запаса трудно, главное основание для этого — то, что семантическая интерпретация высказывания отражает буквальное значение и является исходной для прагматической интерпретации, по ходу которой привлекаются единицы информационного запаса. Аналогичное различие — в основе разделения морфолого-семантического и лексико-семантического видов интерпретации. Первый вид связан с определением буквального значения лексемы, исходя из наличия и последовательности в ней морфов конкретных классов, — т. е. с установлением «внутренней формы» [см. 38]. Второй же вид — тот, где выявлены реальные значения лексемы на основе внутренней формы и дополнительных правил семантической интерпретации [см. 39] при привлечении опять-таки элементов информационного запаса.

Интерпретиационистский взгляд, таким образом, позволяет изучать свойства языка, не относя к ведению лингвистики специальных видов знаний (типа химических, математических и т. п.), несмотря на то, что последние зачастую непосредственно вовлечены в понимание речи. На самом деле специальные виды знаний содержатся в отдельном компоненте знаний — в информационном запасе, а при интерпретации высказываний они подвергаются сами интерпретации, в результате чего высказывание понимается на фоне знаний. Информационный запас содержит, кроме прочего, и коммуникативные знания, и знания, относящиеся к локации Эго. Последние, так же как и другие виды знаний, не входят в структуру языка, хотя и определяют прагматическую интерпретацию (о механизме такой интерпретации уже говорилось выше). Прагматика как дисциплина занимается выявлением схем прагматических видов интерпретации и возможностями их заполнения.

Данная концепция прагматики отличается от тех, в которых предполагается, что говорение и понимание сводятся к «перекодировке» значений в поверхностные структуры и наоборот. На самом же деле процесс построения реальных высказываний сопровождается «обогащением» смысла говорящего за счет его информационного запаса; а переход от поверхностной формы высказывания к тому или иному виду его интерпретации — это не «расшифровка» замысла, а интерпретация высказывания на основе знаний интерпретирующего. Прагматическая интерпретация как особый вид связана, в частности, с ориентацией такого процесса на локацию.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Stalnaker R. C.* Pragmatics.— In: *The Semantics of Natural Language*/Ed. by Davidson D., Harman G. H. Dordrecht, 1972.
2. *Michell G.* Indicating the truth of propositions: a pragmatic function of sentence adverbs.— In: *Papers from the regional meeting of Chicago Linguistic Society (CLS)*, 1976, v. 12.
3. *Fotion N.* Speech activity and language use. Wien, 1977.
4. *Motisch W.* Sprache als Handlungsinstrument.— In: *Studia Grammatica*. V. XVII. Berlin: Akademie-Verlag, 1978.
5. *Sadock J.* On testing for conversational implicature.— In: *Syntax and Semantics*. V. 9. Pragmatics. New York: Acad. Press, 1978.
6. *Morgan J. L.* Two types of convention in indirect speech acts.— In: *Syntax and Semantics*. V. 9. Pragmatics. New York: Acad. Press, 1978.
7. *Morgan J. L.* Some interactions of syntax and pragmatics.— In: *Syntax and Semantics*. V. 3. Speech Acts. New York: Acad. Press, 1975.
8. *Wright R. A.* Meaning_{nn} and conversational implicature.— In: *Syntax and Semantics*. V. 3. Speech Acts. New York: Acad. Press, 1975.
9. *Аристотель.* Риторика.— В кн.: *Античные риторики*. М., 1978.
10. *Lakoff G.* The pragmatics of modality.— In: *CLS*, v. 8, 1972.
11. *Gordon D., Lakoff G.* Conversational postulates.— In: *CLS*, v. 7, 1971.
12. *Roads R. A.* Semantics in a relational grammar.— In: *CLS*, 1977, v. 13.
13. *Katz J. J., Langendoen D. T.* Pragmatics and presupposition.— *Language*. Baltimore, 1976, v. 52, № 1.
14. *Rosenberg M. S.* Factivities that aren't so.— In: *CLS*, 1975, v. 11.
15. *Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975.
16. *Lakoff G., Thompson H.* Introducing cognitive grammar.— In: *Proceedings of the annual meeting of the Berkeley linguistics society (BLS)*. Berkeley (California), 1975, v. 1.
17. *Демьянков В. З.* Формализация и интерпретация в семантике и синтаксисе (по материалам американской и английской лингвистики).— *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка*, 1979, т. 38, № 3.
18. *Демьянков В. З.* «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет.— *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка*, 1979, т. 38, № 4.
19. *Демьянков В. З.* Предикаты и концепция семантической интерпретации. *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка*, 1980, т. 39, № 4.
20. *Leisi E.* Paar und Sprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978.

21. *Grice P.* Logic and conversation. In: *Syntax and Semantics*. V. 3. Speech acts. New York: Acad. Press, 1975.
22. *Grice P.* Further notes on logic and conversation.— In: *Syntax and Semantics*. V. 9. Pragmatics. New York: Acad. Press, 1978.
23. *Searle J. R.* Indirect speech acts.— In: *Syntax and Semantics*. V. 3. New York: Acad. Press, 1975.
24. *Kiefer F.* What do conversational maxims explain.— *Linguisticae Investigationes*, 1979, v. 3, № 1.;
25. *Stalnaker R. C.* Assertion.— In: *Syntax and Semantics*. V. 9. Pragmatics. New York: Acad. Press, 1978.
26. *Rogers A.* Remarks on the analysis of assertion and the conversational role of speech acts.— In: *BLS*, 1978, v. 4.
27. *Soskin V. W., John V.* The study of spontaneous talk.— In: *The Stream of Behaviour*. Appleton — Century — Crofts, 1963.
28. *Демьянков В. З.* Интерпретация текста и стратегемы поведения.— В кн.: *Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования)*. М., 1979.
29. *Raabe H.* Apposition. Untersuchungen zum Begriff und zur Struktur der Apposition im Französischen unter weiterer Berücksichtigung des Deutschen und Englischen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1979.
30. *Katz J. J.* The neoclassical theory of reference.— In: *Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1979.
31. *Strawson P. F.* Identifying reference and truth-values.— In: *Semantics: An Interdisciplinary Reader in Philosophy, Linguistics and Psychology*. Cambridge, 1971.
32. *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980, с. 45.
33. *Степанов Ю. С.* К универсальной классификации предикатов.— *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка*, 1980, т. 39, № 4.
34. *Kasher A.* Three kinds of linguistic commitment.— In: *Time, Tense, and Quantifiers*. Proceedings of the Stuttgart Conference on the Logic of Tense and Quantification. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980.
35. *Kripke S.* Naming and necessity.— In: *The Semantics of Natural Language*. Dordrecht, 1972.
36. *Cresswell M. J.* *Logic and Languages*. London, 1973.
37. *Hintikka J.* Impossible possible worlds vindicated.— *Journal of Philosophical Logic*. Dordrecht, 1975, v. 4.
38. *Потебня А. А.* *Эстетика и поэтика*, М., 1976. (Мысль и язык.)
39. *McCawley J. D.* Logic and the lexicon.— In: *Papers from the Parasession on the Lexicon*. CLS. 1978.